

Её рука медленно скользила по лицу Гу Шэна, поглаживая его раз за разом: от глаз к носу, затем к губам. Заметив шрам в уголке его рта, она внезапно вспомнила тот день на банкете, когда у него случился приступ наркотической ломки и он в безумии начал калечить сам себя.

— Шэн-эр, неужели мама и правда всё сделала не так? Простишь ли ты меня? — прошептала она. — Когда тебе станет лучше, если скажешь маме развестись — я разведусь. Если не захочешь оставаться здесь — я заберу тебя отсюда. Хорошо?

Разве самой маме все эти годы было легко? В тот год, когда тебя похитили, тоска по тебе превратилась в болезнь, а депрессия стала невыносимой. Врачи выдали справку, что у меня тяжелая форма депрессии, а позже добавилось еще и расстройство воображения.

Ты ведь даже не представляешь, как я жила в то время. Часто на короткие мгновения приходила в себя, а потом снова проваливалась в забытие. Мне казалось, что каждый встречный — это ты. Я изводила медсестер в больнице, пока они, потеряв терпение, не пожаловались руководству. Твоему дяде Гу ничего не оставалось, как забрать меня домой и приставить ко мне сиделок.

Я всё помнила, как ты говорил, что любишь мою домашнюю лапшу с курицей, грибами и бамбуком. Вернувшись домой, я почти целыми днями пропадала на кухне, готовя твое любимое блюдо, снова и снова, без конца. Ты даже не представляешь, как презирали меня слуги. На словах я была хозяйкой дома, а на деле они за спиной шептались, что я сумасшедшая баба...

Шэн-эр, ты ведь поправишься, правда? Ты не оставишь маму одну. Ты такой добрый, тебе ведь будет жаль меня, да? Мой Шэн-эр!

Чем дальше она говорила, тем сильнее захлебывалась рыданиями. На одеяле, которым был укрыт Гу Шэн, расплывались крупные пятна от слез.

Колени уже онемели, но она не желала менять позу. Убрав руку с его лица, она крепко сжала его ладонь:

— Шэн-эр, спи спокойно, мама будет рядом с тобой.

Она так долго бормотала, а он всё не просыпался — это означало, что он погрузился в глубокий сон. Должно быть, все эти годы он не знал покоя, и от этой мысли ей становилось только тяжелее.

Она склонила голову, прижавшись лбом к их сцепленным рукам, и слезы потекли, просачиваясь в пространство между пальцами.

...

В полумраке комнаты никто не заметил, как из уголков глаз спящего юноши выкатились слезы.

Гу Шэну снился сон. Долгий, бесконечный сон.

В этом сне он еще не был тем жалким существом, что сейчас. В нем он был таким же, как и его сверстники, с самой искренней и чистой улыбкой.

Однажды мама сказала, что выходит замуж, и повела его знакомиться с будущим мужем. Тот дядя был очень добр к нему, угощал вкусной едой и дарил игрушки.

Вскоре они переехали в большой дом. Там был и тот самый дядя, и еще один брат, с которым ему хотелось сблизиться, но никак не получалось. Он думал, что если будет послушным, то брат обязательно улыбнется ему в ответ, как улыбался другим. Мама тоже твердила, что нельзя капризничать, ведь непослушных детей никто не любит.

И тут картинка сменилась. Если до этого всё было в теплых тонах, то теперь вокруг повеяло холодом.

Пустота, ледяющий страх, жуть...

Группа людей окружила его. Не обращая внимания на крики и слезы, они безжалостно втыкали шприцы и вливали в него жидкость. Он думал, что это конец, но на самом деле это было только начало.

Кошмарная жизнь началась именно тогда. И длилась она десять лет.

Он пытался сопротивляться, но в ответ получал лишь еще более жестокое обращение. Они не просто кололи ему препараты — в конце концов, они стали силой заставлять его пробовать различные наркотики, отказывая в еде, если он не соглашался.

В конце концов, он не выдержал и рухнул. Они думали, что он умрет, но, вопреки ожиданиям, он выжил.

И тогда пытки стали еще изощреннее.

А недавно он услышал, как они говорили, что ребенок клана Гу готовится к церемонии совершеннолетия...

<http://bllate.org/book/18601/1791247>